

**РОСТИСЛАВ
ИЩЕНКО**

**ГАЛИЦИЯ
ПРОТИВ
НОВОРОССИИ**

**БУДУЩЕЕ
РУССКОГО
МИРА**

Ростислав Владимирович Ищенко Галиция против Новороссии: будущее русского мира

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24258974

Р.В. Ищенко. Галиция против Новороссии: будущее русского мира: ООО

«ТД Алгоритм»; Москва; 2016

ISBN 978-5-906861-60-3

Аннотация

Книга Ростислава Ищенко посвящена исследованию столетней борьбы галицийской и русской концепций развития Украины, вылившейся в три гражданские войны: 1914–1920 гг., 1941–1956 гг., а также начавшейся в феврале 2013 года и продолжающейся до сих пор. Авторитетный эксперт по истории конфликта Галиции и Новороссии анализирует сходство внешне- и внутривосточных предпосылок процветания украинского нацизма, роль Запада в этом процессе и обнажает его истинную цель – ослабление России и русского мира вообще. Первая часть книги посвящена трагедии Талергофа 1914–1917 гг., событиям украинско-русинского противостояния в австрийской Галиции во второй половине XIX – начале XX века и рождению галицийского нацизма. Во второй части рассматривается современная ситуация: развитие идеологии

галицийского нацизма и её распространение на новые территории в конце XX – начале XXI века, приведшее к вооруженному перевороту в Киеве и гражданской войне в Донбассе.

Содержание

От автора	6
Часть I	8
Введение	8
Глава 1	12
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Р. В. Ищенко
Галиция против
Новороссии: будущее
русского мира

© Ищенко Р. В., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

От автора

Предлагаемая читателю работа имеет своей задачей не только привлечь внимание общественности к практически забытому даже большинством профессиональных историков факту геноцида галицких русинов австрийской властью в 1914–1917 годы, но и попытаться предложить логически непротиворечивое объяснение того, почему геноцид стал возможен, в некоторой степени даже неизбежен в конкретных исторических условиях, а также показать, как отзываются его последствия в наше время. Ведь многие из тех особенностей современного украинского общества, которые мы считаем родившимися и развившимися в последние 20–25 лет, на самом деле уходят корнями в предельно мифологизированную и поэтому практически неизвестную гражданам современной Украины историю австрийской Галиции.

Но, как мы знаем, общество, не знающее своей истории, обречено на повторение собственных ошибок. В том числе таких трагических и страшных, как геноцид галицких русинов. В ходе политического развития современной Украины, характеризуемого острым (куда более острым, чем в Галиции начала XX века) противостоянием двух частей страны, последние 10 лет ведущих непримиримую борьбу, каждая за свой вариант общего будущего, уже практически созданы те же условия, которые сделали возможным «европейский» ге-

ноцид русинов в 1914–1917 годах. И вновь без участия Европы не обходится.

Часть I

Талергоф: геноцид по-европейски

Введение

1914 год. Австро-Венгрия. Штирия. Грац. Талергоф. Первый концлагерь на территории Европы. Уничтожение европейским государством десятков тысяч собственных граждан по этническому принципу. Эти десятки тысяч – наши земляки с Западной Украины, те, кого сегодня называют галичанами, а тогда они именовали себя русинами (руськими, русскими), подразделяясь далее на знакомых нам и сегодня бойков, лемков, подолян, гуцул, покутян, верховинцев, долинян и другие этнические группы современной украинской Галичины, тогдашней Галиции.

Ситуация представляется совершенно неправдоподобной, невозможной не только с точки зрения наших представлений о сегодняшней Европе, но и исходя из того, что мы знаем о Европе конца XIX – начала XX века, времени, когда уже закончились кровавые революции первой половины века XIX, и еще не начались глобальные потрясения первой половины века XX. В этот период своего пика достигла именно гуманистическая составляющая европейской цивилизации.

Для того чтобы понять, как же именно в это время стало возможно массовое уничтожение цивилизованным европейским государством, уже почти сорок лет, как принявшим конституционную форму правления, собственного мирного населения, следует отрешиться от статического восприятия истории, от рассмотрения ее событий, как моментального снимка. История – динамический процесс и для адекватного восприятия ее следует просматривать, как киноленту. Объяснить отдельные события настоящего можно, лишь углубившись на столетия в прошлое и там найдя первые истоки конфликтов и союзов будущего.

Впрочем, в случае с геноцидом русинского населения Галиции, для объяснения феномена Талергофа, нет необходимости погружаться в седую древность. Завязка драмы происходила всего за полтора столетия до 1914 года, а полная расстановка фигур на политической шахматной доске австрийской Галиции произошла лишь в 70-е – 80-е годы XIX века.

Необходимо отметить, что в силу недетерминированности исторического процесса, даже в этот момент, когда все предпосылки для геноцида русинов сложились, он не был предопределен. Были другие пути решения назревших проблем и преодоления реально существовавших противоречий. В конечном счете старт геноцида был дан свободной волей его организаторов и исполнителей, которые именно такой способ решения общественного конфликта сочли наиболее приемлемым и эффективным. Нам представляется, что

они ошибались.

Мы будем говорить именно о феномене Талергофа, хоть были и другие места заключения, где в массовом порядке подвергались репрессиям граждане Австро-Венгрии, галицкие русины: Терезин в северной Чехии, тюрьма в Праге, даже Венская тюрьма. Но именно Талергоф, благодаря изданному уцелевшими узниками «Талергофскому альманаху», стал символом этого забытого миром геноцида, как по размаху, так и по характеру окончательно утратив даже отдаленные признаки законности и превратившись, по сути, в способ решения проблемы галицких русинов, путем поголовного уничтожения тех из них, кто не желал отказаться от своей русскости.

Но, говоря о Талергофе как о символе, мы не забываем, что не только там и не только австрийцы, но и венгры, и чехи, и поляки приложили руку к трагедии галицких русинов. И, что особенно страшно и мерзко, их собственные собратья – такие же русины, только отказавшиеся от русскости и принявшие навязываемую австрийцами украинскость, стали едва ли не главными, если не организаторами и плачами, то провокаторами геноцида и доносчиками, истово помогавшими властям находить свои жертвы.

Для того чтобы понять и адекватно оценить феномен Талергофа, анализ исторических процессов, необходимый для полного и адекватного понимания причин трагедии русинства, должен начаться с последней четверти XVIII века, с то-

го времени, когда, волею исторических судеб, Галиция осталась единственной из земель древней Руси, не возвращенной под скипетр Всероссийских Императоров, оказавшись отдаленной провинцией Австрийской (Священной Римской, а позднее Австро-Венгерской) империи.

Глава 1

Галиция под властью Австрии

Галиция (Галицкая Русь) вошла в состав австрийского государства в качестве коронной земли под названием Королевства Галиции и Лодомерии (Володимерии) в результате первого раздела Польши (1772 год). Границы Галиции – австрийской провинции практически полностью повторяли границы древнерусского Галицко-Волынского княжества. Поэтому нам не должно показаться удивительным, что направленные в край имперские чиновники обратили внимание, что среди его обитателей преобладают не поляки, а другой народ – русский или близкородственный к русскому. Это обстоятельство несколько обеспокоило первого губернатора присоединенной провинции графа Пергена.

Его опасения были вполне оправданными. Губернатора можно назвать профессиональным и дальновидным администратором, сегодня его бы квалифицировали как хорошего геополитика, просчитавшего ситуацию на несколько шагов вперед. Судьба Речи Посполитой не вызывала сомнений уже после первого раздела. Вопрос ликвидации польского государства был делом времени, а не принципа. Следовательно, рано или поздно границы Австрийской и Российской империй должны были сомкнуться и население Галиции оказалось бы в непосредственном соприкосновении

с родственным государством (что и произошло через двадцать лет), западные провинции которого, граничившие с Галичиной, были населены тем же народом – такими же русинами, русскими. Разница была лишь в том, что в Польше и затем в Австрии русины были угнетаемым меньшинством, венцом карьеры для русина была должность сельского священника или старосты, а в Российской империи их собратья являлись государствообразующим народом, поставлявшим Санкт-Петербургу фельдмаршалов, администраторов и даже «ночных императоров». Далее легко прогнозировалось нарастание русофильских тенденций среди населения пограничной провинции, что создавало потенциальную угрозу внутренней стабильности и территориальной целостности империи.

Но император Иосиф II не разделял опасений своего губернатора. Прежде всего, вероятно, потому, что близкое по происхождению галицким русинам коренное население Закарпатья, уже долгие годы, со времени присоединения (в 1687 г.) королевства Венгрия, пребывавшее под властью династии Габсбургов, не давало оснований для сомнения в своей верности. Проницательный Перген, понимавший, что лояльность венгерских, закарпатских русинов объяснялась лишь их удаленностью от российских границ, вскоре был сменен, а ситуация в крае долгие годы не оправдывала его опасений.

Возможно, и не оправдала бы, если бы не непродуманные

действия преемников Иосифа II. В конце концов, не каждая эвентуальная угроза превращается в реальную, а проведением разумной и взвешенной политики различные государства в разные исторические периоды неоднократно добились лояльности самых разноплеменных подданных, в том числе и находящихся на границе с родственным им этнически государственным образованием.

В принципе, и австрийская политика в Галиции на раннем этапе отличалась умеренностью. Скорее всего, если бы заданный в первые десятилетия австрийской власти подход сохранился, то проблема предполагаемой галицкой нелояльности никогда не взбудоражила бы умы имперских чиновников и не дала бы старт цепочке событий, приведших в геноциду 1914–1917 годов. Можно сказать, что в какой-то степени проблема потенциальной нелояльности русинов, приведшая к геноциду, была вначале придумана австрийцами и лишь затем, с приложением серьезнейших усилий центральной и местной властей, воплощена на практике. То есть усилия, направленные на преодоление не существовавшей, а лишь потенциально могущей возникнуть проблемы, вначале эту проблему создали, а затем многие годы ее углубляли.

В первые десятилетия после перехода Галиции к Австрии в официальных документах для обозначения коренных обитателей края употреблялись термины «русский», «русские» («*Russen*», «*Russe*», «*russisch*»), то есть такие, которые применялись и для основного населения России. Рус-

ским назывался и язык преподавания в новооткрытой Мункачевской (Мукачевской) семинарии, готовившей душепастырей для Закарпатья и Восточной Галиции. По сути, это был славяно-русский язык, исполнявший функции литературного в Киевской и Московской Руси до образования русского литературного языка. На том же русском языке велось преподавание в основанном в 1784 году во Львове университете. Характерно, что в этот период противоречий между властями в Вене и населением Галиции не возникало. Власти не посягали на природную русскость галичан, а те, в свою очередь, не имели оснований для выдвижения каких-либо претензий к властям. Права австрийского императора на Галицию не вызывали у населения сомнений, а его власть не вызывала отторжения.

Положение стало меняться после второго (1793 год) и третьего (1795 год) разделов Польши, когда между Россией и Австрией образовалась общая граница. И меняться оно начало именно по инициативе власти, которая, таким образом, и дала старт неконтролируемому развитию цепи событий, влияние которых и отдаленные последствия мы испытываем до сих пор.

Уже в 1796 году австрийский историк Иоганн Христиан Энгель указывал, что соседняя с Галицией Волынь была присоединена к Российской империи, как «составная часть древней российской державы»¹. Отсюда историком делался

¹ Коцовський В. Маркіян Шашкевич // Зоря. – 1886. – № 4. – С. 66.

вывод о том, что Россия впоследствии может потребовать себе Галицию, также входившую когда-то в состав древнерусского государства. Необходимо, однако, подчеркнуть, что Энгель говорил о внешней угрозе (Россия может предъявить претензии на Галицию), а не о внутренней (население Галиции – потребовать присоединения к России). Тем не менее австрийские власти озаботились именно настроениями населения, которое, во-первых, оставалось лояльным Вене и, во-вторых, не имело никакого влияния на политику официального Петербурга.

Как показали дальнейшие события, указание Энгеля было вполне резонным. Впрочем, территориальные притязания на Галицию Россия до 1914 года заявляла только один раз, во время последнего крупного расширения имперской территории при Александре I. Без всякого сомнения, даже если бы на территории Галиции жило не только нерусское, но и вовсе неславянское население, это не помешало бы Александру предъявить на нее претензии. Присоединил же он к России Польшу и Финляндию. А ведь не только население этих стран не было русским, но и сами они никогда не были Русью – не управлялись князьями из дома Рюрика.

В 1809 году российский император Александр I затронул в разговоре с французским послом Арманом де Коленкур тему Герцогства Варшавского, образованного незадолго перед тем по инициативе Наполеона. При этом монарх заявил: «Любое увеличение герцогства за счет Галиции противоре-

чит моим интересам, а последняя должна быть целиком или частично присоединена к России»². Здесь также важно отметить «целиком или частично». Ведь западная Галиция была населена поляками, а центром ее был Краков – старая польская столица. Следовательно, территориальные претензии Александра к Австрии не были мотивированы этнически. Он не возвращал ранее утраченные территории, но присоединял новые. И позиция населения Галиции интересовала его меньше всего.

Однако это не было очевидно австрийцам, поскольку формально позиция Александра I полностью соответствовала оформленной еще Иваном III в XV веке традиции российской монархии, заявлявшей о своем династическом и историческом праве на все земли бывшей Киевской Руси, некогда управлявшиеся князьями из дома Рюрика, как на свою «отчину и дедину». Именно эта идеологическая концепция обосновывала трехвековое (к тому времени) движение России на Запад, начавшееся с войн Ивана III с Великим княжеством Литовским за Вязьму, Смоленск и Чернигово-северскую землю и практически (за исключением Галиции) завершенное Екатериной II, оформившей ликвидацию польского государства в ходе его трех разделов, и возвращение российской монархии восточных земель Речи Посполитой, с рус-

² Ададуrow В. Наполеон і Галичина: встановлення французького тимчасового протекторату в 1809 році. // Вісник Львівського університету. Серія історична. – 1999. – Вип. 34. – С. 454.

ским православным населением.

Конечно, идеологическая концепция Ивана III к тому времени отжила свое, а Российская империя со времен Екатерины стремилась к естественным защитимым границам: от Балтики, по Одру к Бескидам и Карпатам, далее по Пруту к Дунаю и к Черному морю, защита которого должна была быть обеспечена контролем над проливами Босфор и Дарданеллы. Всероссийских императоров не интересовала этническая принадлежность народов, населявших данные территории. Их интересовали сами территории как гарантия обеспечения военной защиты и торговых интересов империи. О естественности этих рубежей свидетельствует тот факт, что выйти на них Россия стремилась и при Екатерине, и при трех Александрах, и при двух Николаях, и даже при Сталине. Именно последний, сформировав после победы в Великой Отечественной войне социалистическое содружество, практически решил проблему естественных границ (кроме турецких проливов, до которых так и не смог дотянуться, хоть и очень хотел).

Интересно, что в рамках этого стремления к естественным границам, присоединение Галиции не является обязательным, а занятие территорий за карпатскими перевалами, включая польскую Западную Галицию и бывшее венгерское Закарпатье, и вовсе нежелательны. Но движение Российской империи на Запад не было в то время каким-то образом логически мотивированно, концепция естественных границ

еще не была практически сформулирована (в то время как концепция династических и исторических прав была близка и понятна и Вене, и Санкт-Петербургу). Наконец, в России, с начала XIX века начал зарождаться, а затем бурно развиваться панславизм, потенциально готовый обосновать претензии Санкт-Петербурга не только на Галицию, но и на Сербию, Чехию, Словакию – на все славянские земли Австрии и Турции. При этом надо учесть, что Австрия сама претендовала на турецкие земли на Балканах, населенные славянами, и видела в России сильного конкурента.

Кроме того, в том же (1809) году небольшая часть Галиции (Тернопольский округ) действительно была присоединена к России. Однако в 1815 году Александр I вернул эти земли Австрии, и с тех пор Российская империя не выдвигала территориальных претензий к соседней стране. Но ведь в политике рассматриваются не намерения, а возможности. Понятно, что Австрия, здраво оценивая возможности России, имела основания для опасений. Русская армия совсем недавно разгромила объединенные силы Европы (среди которых были и австрийцы) под командованием ее лучшего полководца – императора французов Наполеона I и вошла в Париж всего через два года после того, как наполеоновская Великая армия перешла Неман и вторглась в Россию. Понятно, что и войти в Вену русским войскам труда бы не составило. Во всей Европе всю первую половину XIX века (вплоть до Крымской войны) не было силы, способной на равных про-

тивостоять России.

Еще раз отметим, что само население Галиции не давало никаких оснований для подозрений в нелояльности, но именно с этого момента австрийское правительство, считая, что претензии России на Галицию могут быть возобновлены в любой момент, постаралось искоренить в русинском населении восточных владений самосознание общности происхождения с соплеменниками по ту сторону границы. Австрийские власти перестраховывались, пытаясь заранее исключить любые условия для возникновения в провинции ориентированного на Россию движения, а в результате сами же создали условия для его возникновения. Впрочем, конфликтная ситуация в провинции вызрела не сразу, но противоречия уже возникли и согласие между населением и властью, раз будучи нарушено, так никогда больше и не восстановилось. Власти покусились на внутренний мир подданных, подданные, оставаясь лояльными внешне, внутренне отказали власти в легитимности.

В документах галичан теперь предпочитали именовать не русскими, а рутенами. Было прекращено преподавание на русском (славяно-русском) языке в учебных заведениях. С 1816 года языком обучения в галицких школах был официально утвержден польский. «Нет никаких политических оснований противиться обучению в Галичине польскому чтению и письму, — подчеркивали австрийские чиновники. — А если принимать во внимание соображения политического

свойства, то, конечно, менее благоразумно распространять вместо польского «рутенский» язык, представляющий лишь наречие русского языка»³.

В 1822 году власти запретили ввоз книг из России. Всячески препятствовали они и изданию книг на русском языке внутри страны. Крупный галицкий историк Дионисий Зубрицкий, опубликовавший в 1830 году во Львове оду Гавриила Державина «Бог», попал под подозрение в неблагонадежности, поскольку имел неосторожность заявить, что именно на язык Державина следует ориентироваться местным литераторам.

Полицейский надзор был установлен за издателями чисто культурологического, не претендовавшего на какое-либо политическое значение, альманаха «Русалка Днестровая» (1837 год) – Маркианом Шашкевичем, Яковом Головацким, Иваном Вагилевичем. Их обвинили в русофильстве, а тираж сборника (за исключением нескольких десятков экземпляров, которые удалось спрятать) конфисковали.

Проводимая властями политика денационализации Галицкой Руси неизменно сопровождалась полонизацией. «В пору занятия Галичины Австриею епископы (по крайней мере, к сельскому духовенству) отзывались по-русски, – констатировал галицкий исследователь. – Теперь же официальным языком русско-униатских консисторий возле латинско-

³ *Филевич И. П.* Карпатская Русь накануне XX века// Новый сборник статей по славяноведению. – СПб, 1905. – С. 49.

го стал исключительно польский язык»⁴.

Неудобным оказался даже кириллический алфавит. Русины убеждали отказаться от него в пользу латинского. Латиницей издавались сборники народных песен, что, очевидно, должно было, по мнению издателей, демонстрировать принадлежность народной культуры галичан к польской.

Объяснить позицию Вены в данный период можно обычной перестраховкой. Австрийские власти не боялись каких-либо неожиданностей от разделенной между тремя государствами Польши, считая, что сам факт раздела (а значит, и заинтересованности трех мощнейших европейских военных держав в сохранении status quo) служит гарантией от любых покушений поляков на реставрацию собственной государственности. В то же время отчетливая (ощущавшаяся и на самом высшем – во дворце, и на самом низшем – в сельской хате, уровнях) этническая близость галицких русинов к государствообразующему народу Российской империи (далеко превосходившей Австрию в военном отношении), вызывало беспокойство. Впрочем, дальнейших попыток культурной полонизации русинов (которая должна была обосновать «права» Австрии на них, как на часть польского, а не русского народа) дело тогда не шло.

Так продолжалось до 1848 года, когда в Австрии, как и во многих других европейских странах, вспыхнула революция.

⁴ Свистун Ф. Прикарпатская Русь под владением Австрии. – Львов, 1895. – С. 74.

Глава 2

Весна народов

Это время историки называют «весной народов». В самом деле, революционные события привели к активизации народных движений, что способствовало национальному возрождению во многих краях разноплеменной империи Габсбургов. Не обошла стороной «весна народов» и Галицию. Несмотря на многолетнюю полонизацию, в русинах сохранялось сознание того, что они не являются частью польской нации, а представляют народ, отдельный от польского. При этом вопрос о степени близости их к великорусам не обсуждался, как имевший тогда, скорее, теоретическое значение.

Была создана Главная Русская Рада, взявшая на себя руководство делами галицко-русского населения, в основном в части реализации его культурных и духовных запросов. Примечательно, что среди галицких русинов доминировали тогда консервативные настроения. В отличие от поляков, которые, хотя и находились в Галиции в сравнительно привилегированном положении, но приняли активное участие в революционных выступлениях.

При таких условиях Вена сочла за благо, в противовес польскому движению, поддержать русинов. Однако и в тот момент австрийские власти беспокоились о том, чтобы галицко-русское движение не пошло по пути сближения с Рос-

сией. Тогдашний галицкий губернатор граф Франц Стадион фон Вартгаузен вызвал к себе лидеров русинов для «отческого» внушения. «Правительство не может положиться на вас, – говорил он, – потому что вы для него едва ли не опаснее самих поляков; вы русские, и вы, волей-неволей, тянете к России. У вас с русскими один язык, один обряд, одно имя. Россия имеет огромный интерес держать в повиновении поляков, которые ее ненавидят, а на вас, которые ее любите, она может, не сегодня, так завтра предъявить свои права, и вы охотно броситесь в ее объятия»⁵.

Следует признать, что слова губернатора не были лишены некоторых оснований. Галицко-русская интеллигенция воспринимала русских Российской империи как братьев по крови. Впрочем, осознание кровного родства вовсе не означало желания присоединить край к России. На фоне как раз тогда совершавшейся в Австрийской империи отмены барщины и сохранения крепостнических порядков, в Российской империи подобные стремления (если они у кого-то и были) не могли стать массовыми. Хотя в беседе с губернатором представители галицко-русского общества высказали иной аргумент: «Население России есть схизматическое⁶, мы себя к нему не причисляем»⁷.

Как видим, уже тогда часть галицких русинов, принадле-

⁵ Кельсиев В. Галичина и Молдавия. Путевые письма. – СПб, 1868. – С. 173.

⁶ Православное. – Прим. авт.

⁷ Свистун Ф. Указ. соч. – С. 269.

жавшая к униатской церкви, считала себе иным народом, чем их единокровные братья, сохранившие верность православному обряду. Постепенно за сто лет, осознание своей конфессиональной отличности, не дававшее полностью идентифицировать себя с русским православным народом, переросло в уверенность в своей этнической инородности. Но тогда до этого было еще далеко, и, скорее всего, этническое отторжение не возникло бы, а конфессиональные противоречия сгладились бы, если бы не геноцид 1914–1917 годов, ставший логическим завершением многодесятилетней политики дерусификации русинов, проводившейся австрийскими властями с упорством, достойным лучшего применения.

Итак, непременным условием поддержки галицких русинов австрийским правительством стало отмежевание их русской нации. Однако дальнейший ход событий нарушил планы венских политиков. В Венгрии, одной из главнейших провинций империи, вспыхнуло восстание. Повстанцы разгромили посланные против них войска. Само существование государства оказалось под угрозой. Императорский двор просто вынужден был обратиться за военной помощью в Санкт-Петербург.

Весной 1849 года русская армия перешла австрийскую границу. Путь в Венгрию пролегал через Галицию. Появление русских солдат произвело на русинов огромное впечатление. «Жители городов, местечек, деревень без различия

сословий сбегались толпами смотреть на нас. Чем глубже проникали мы в Галицию, тем радушнее встречали прием не только от крестьян, но и со стороны интеллигенции, — писал позднее в мемуарах участник похода, офицер пехотного полка П. В. Алабин. — ...Нас ждала, нами восхищалась, нами гордилась, торжествовала и ликовала при нашем вступлении в Галицию партия русинов, составляющих три части всего населения Галиции».

«Русский народ в Галиции, — замечал Алабин далее, — все время польского над ним владычества хранил неприкосновенно свои обычаи, свой русский язык, конечно, несколько в искаженном виде (на котором теперь пишутся, однако, стихи, песни, значительные литературные произведения, учебники, даже издается газета «Зоря Галицка»), но религия его предков искажилась унией. Впрочем, униатские ксендзы русинов, может быть, разделяя сочувствие к нам своей паствы, по-видимому, искренно нам преданы. Многие из них приходили поближе познакомиться с нами, откровенно нам высказывая, что они гордятся нами, как своими братьями, перед немцами и поляками и сопровождали нас приветами и благословениями, когда мы потянулись далее за Лемберг»⁸.

Надо полагать, многие галичане, кто с надеждой, а кто и со страхом, подумывали о том, что российский император использует подходящий момент и присоединит край к своим

⁸ Алабин П. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854—1856, 1877—1878 годах. Ч. 1. — Самара, 1888. — С. 15, 25—26.

владениям. Вероятно, еще больше опасались аннексии в Вене. Но, как известно, этого не произошло. После подавления венгерского восстания армия Николая I покинула пределы Австрии. Тем не менее появление в Галиции русских войск и наглядно продемонстрированная близость галицких русинов с русским народом Российской империи, способствовали, помимо желания австрийских властей, развитию галицко-русского движения в направлении дальнейшего единения с Россией. И хотя речь шла о единении культурном, языковом, литературном, а не политическом, сама поднятая тема, конечно же, не могла не тревожить правящий режим.

Тем более, что австрийские власти не могли не понимать, что, если Александр I отказался от аннексии Галиции во многом из соображений геополитического характера (ради консервативно-охранительной стабилизации Европы в рамках Священного союза и приняв в качестве компенсации польскую корону), то Николаем I двигали в основном причины личного характера. Унаследовав от отца (императора Павла I) средневековые понятия о рыцарской чести, о братстве всех правящих домов Европы, император не представлял возможным воспользоваться тяжелым положением австрийской короны для отторжения в свою пользу ее территорий. Но ведь императоры приходят и уходят, а политическая реальность (в частности, возможность выдвижения Россией претензий на Галицию) остается.

Существующую в верхах настороженность по отношению

к русинам целенаправленно подогревали поляки, по окончании революции вновь пошедшие на сотрудничество с правительством. Например, уже в декабре 1851 года наместник австрийского императора в провинции граф Агенор Голуховский (поляк по национальности) представил Францу Иосифу докладную записку, в которой указывал на нежелательность использования в школах местного наречия, поскольку это повлечет за собой интерес галицкой молодежи к русской литературе. «Нельзя отрицать, – замечал Голуховский, – что в таком случае стали бы возможны и нашли бы себе поддержку взгляды и настроения, не отвечающие интересам государства и католической церкви»⁹.

Не будем забывать, что Польша, с момента унии с Великим княжеством Литовским¹⁰ долгое время конкурировала с Россией за право стать объединителем всего славянства. В разные периоды польские короли владели по совместительству чешской и венгерской коронами, распространяя свою власть также на Силезию, Моравию, Словакию, Хорватию и часть Сербии. С переходом большинства этих земель под власть Габсбургов и приобретением Австрией большого количества славянских подданных эта концепция альтернативной славянской империи перешла по наследству венскому

⁹ *Филевич И. П.* К истории Карпатской Руси // Варшавские университетские известия. – 1906. – № 1–2. – С. 140–141.

¹⁰ На тот момент представлявшей альтернативное Московской Руси русское государство.

двору от двора варшавского, вместе с политикой дерусификации своих русских подданных.

Логическим завершением этой политики, предопределявшей столкновение интересов России и Австрии на Балканах, стали рост напряженности между венским двором и его славянскими подданными, Первая мировая война, геноцид русинов, поражение и распад Австро-Венгрии. Однако в тот момент, в конце 1840-х годов, когда австрийские власти окончательно сделали выбор в пользу дерусификации своих русинских подданных, все эти катастрофы даже не просматривались на горизонте. Только начиналось длинное, более, чем полувековое царствование Франца Иосифа, чья политика и привела империю к краху, накануне которого (в 1916 году), когда неизбежность поражения уже не вызывала сомнений император – его главный виновник скончался, так и не успев увидеть плоды трудов своих.

Итак, австрийские власти рьяно взялись за искоренение русскости. Пока это распространялось только на культуру и язык и еще не предполагало физического уничтожения русских. «Чисто русский язык, – сообщал Дионисий Зубрицкий в частной переписке русскому историку Михаилу Погодину, – подозревают у нас как симпатизирование с Москвщиной. Сам тихий и смиренный журналец «Галицкая зоря» получил увещание, чтобы он не осмелился употреблять московские слова под опасением запрещения»¹¹. Как ви-

¹¹ *Свистун Ф.* Указ. соч. Часть II. – Львов, 1896. – С. 51.

дим, принятый современными националистами курс на насильственную украинизацию и попытки вытеснения русских языка и культуры из повседневного обихода граждан Украины – хорошо забытая (хоть, очевидно и не всеми) практика Австро-Венгрии. Можно предположить, что и вызвана она сходными причинами – фактически диктуемым политикой желанием подальше развести части единого народа.

В том же 1851 году власти со всей очевидностью продемонстрировали принятие концепции, изложенной в записке Голуховского – была распущена Главная Русская Рада. Правда, необходимо еще раз подчеркнуть, к прямым репрессиям против русинов власти пока не прибегали.

Гораздо более жесткой по отношению к «русофилам» политика Вены стала после того, как Российская империя, вынужденная противостоять англо-франко-сардино-турецкой коалиции, увязла в Крымской войне. Неожиданно для Санкт-Петербурга Австрия заняла откровенно антироссийскую позицию. Соответственно, всякие проявления симпатий к России внутри страны немедленно пресекались. Когда, например, в одном из глухих галицких сел местный греко-католический священник по просьбе нескольких жителей провел молебен за успех русского оружия, то переполох поднялся и в Вене, и в папском Риме. «Провинившегося» душепастыря лишили прихода и отдали под суд. Само село, где выявили «крамолу», было поставлено под строгий надзор властей.

Не меньший переполох произошел и в другом случае, когда жена одного священника, поссорившись с приезжим чиновником, в сердцах крикнула, что «молится Богу, чтобы Россия забрала, наконец, Галицию и перевешала цесарско-королевских чиновников». Вряд ли в данном случае можно вести речь о заявленной политической позиции, скорее это всплеск эмоций в бытовой ссоре. Аналогичные мы можем и сегодня наблюдать во время бытовых скандалов, когда разгоряченные спором люди, быстро забывают об истинной причине ссоры и пытаются уязвить друг друга, поддавая уничижительной оценке национальную принадлежность, политические взгляды оппонента или ассоциируя себя с какой-нибудь внешней силой (например, «мы европейцы»), предполагая, по умолчанию, что часть ее харизмы передается и ассоциируемому.

Вероятно, такие инциденты были единичными. Массовыми они быть не могли – угроза сурового и неотвратимого наказания за подобные «проступки» ощущалась слишком явно. Но, несмотря на это, все тот же граф Голуховский в донесениях правительству называл их «очень характерными». «Через подпитывание идеи племенной и национальной общности с Россией, через высказывание зависимости будущей судьбы Галиции от матушки России и греко-схизматической церкви выдает стремление не только к литературному и культурному, но и к политическому соединению с северной великой державой», – подчеркивал он через несколь-

ко лет, в очередной раз вспоминая случившееся¹².

Подверглись репрессиям и молодые русины-гимназисты, организовавшие во Львове литературный кружок и изучавшие произведения русской литературы. «Эти собрания так напугали и поляков, и правительство, что, придавши им значение политическое, многих 14—16-летних мальчиков посадили в крепость, других исключили из гимназии с решением не определять ни в какие учебные заведения», – сообщал настоятель церкви при русском посольстве в Вене, протоиерей Михаил Раевский¹³. Для сравнения, в России в те же годы подобная репрессия могла быть применена только к открытым борцам с самодержавием – революционерам, выступавшим с оружием в руках (организовавшим охоту на царя-освободителя Александра II) или подстрекавшим народ (крестьян) к бунту. За чтение художественной, неполитической литературы или за изучение немецкого (или даже украинского) языка в крепость никого не сажали.

Давление на русинов осуществлялось также в культурно-языковой сфере. От редакторов газет требовали изменить язык печатных изданий, сделав его непохожим на русский литературный. К несогласным применяли административные меры. Так, в 1858 году была закрыта «Церковная га-

¹² *Кревецький І.* З секретів польської політики у Галичині 60–70 рр. м. ст. // Літературно-науковий вісник. – 1911. – № 7–8. – С. 36.

¹³ *Раевский М.* О национальном и религиозном движении русского народа в Галиции // Христианское чтение. – 1862. – Ч. II. – С. 115.

зета», издававшаяся для русинов видным закарпатском общественным деятелем Иоанном Раковским.

В связи с этим можно также вспомнить сегодняшнюю практику некоторых телеканалов и иных СМИ, чей язык имеет мало общего с литературным украинским языком, зато «обогащен» галичанскими диалектизмами, заимствованиями из суржигов диаспоры, а то и непосредственно из польского, а также романских, германских языков и американской версии английского. И меры административного, а то и уголовного воздействия на предпочитающих использовать русский язык сограждан современные националисты также требуют внедрить в законодательство.

В связи с этим стоит обратить внимание, сколь быстро совершили австрийские власти переход от мер административного давления (заккрытие альманахов, газет, роспуск общественных организаций) к прямой уголовной репрессии (посадка в крепость). Во-первых, можно с уверенностью сказать, что оказавшееся возможным в середине XIX века, столь же легко осуществимо и в начале века XXI. Сегодняшние «дерусификаторы Украины» с тем большей легкостью повторят путь австрийских коллег, что являются куда менее приверженными гуманистическим ценностям. Во-вторых, нарастание жесткости репрессий свидетельствовало о том, что пропаганда и меры административного давления не давали результата и власти постепенно ожесточались, пытаясь все же сломать непокорный народ.

«Многие духовные лишились мест своих, студенты выгнаны, граждан из среднего сословия отдали под строжайший присмотр, – констатировал Михаил Погодин, живо интересовавшийся событиями в Галиции. – Известный почтеннейший адвокат просил позволения брать для прочтения Свод русских законов, подаренный нашим правительством публичной библиотеке. Полиция отказала, несмотря на поруки и залого. Адвокат попросил ходить, по крайней мере, в библиотеку и читать там, обращался ко всем начальствам, ставил на вид, что галицкие помещики, имея часто поместья и дела в России, имеют нужду в справках: ничто не помогло»¹⁴.

Ярким проявлением антирусинской политики властей стала, предпринятая в 1859 году по инициативе опять-таки Агенора Голуховского, очередная попытка запретить в Австрии использование кириллического алфавита, заменив его латиницей. «Рутены не сделали, к сожалению, ничего, чтобы надлежащим образом обособить свой язык от великорусского, так что приходится правительству взять на себя инициативу в этом отношении», – заявил наместник австрийского императора¹⁵.

Был составлен специальный проект, предусматривавший изгнание кириллического алфавита из системы образования.

¹⁴ *Погодин М. П.* Отрывки из писем, о положении славян в Европе, к министру народного просвещения // Русская беседа. – 1859. – Т. I. – С. 78.

¹⁵ *Филевич И. И.* Вопрос о двух русских народностях и «Киевская старина» // Научно-литературный сборник. Повременное издание «Галицко-русской матицы». Т. 2. Кн. 4. – 1902. – С. 156.

Для его рассмотрения создали особую комиссию. Однако устремления Голуховского вызвали широкое возмущение в галицко-русском обществе. Отовсюду посыпались протесты. Несогласие с намерением внедрить латинский алфавит вызвал львовский греко-католический митрополит Григорий Яхимович, подавший жалобу самому Францу Иосифу.

Борьба вокруг проекта получила название «Азбучной войны». В конце концов, она закончилась неудачей для власти. С латинизацией решили повременить. Современные украинизаторы-«европеизаторы» также вынашивали идею замены кириллического алфавита латиницей. И с нею также пришлось повременить. Но и сегодня польские политики действуют на острие антирусской политики Запада, в том числе и на украинских землях, проявляя готовность бороться против России в интересах Европы (а скорее США) до последней капли крови последнего украинца.

Можно предположить, что благоприятный для русинов исход «Азбучной войны» не в последнюю очередь оказался предопределен поражением Австрии в австро-франко-сардинской войне и вызванным им ослаблением государства. (Стоит, однако, заметить, что на протяжении дальнейшей истории Украины попытки латинизации алфавита повторялись затем неоднократно и не только в Галиции.)

Но, даже отступив в вопросе правописания, власть продолжала всячески ограничивать русинов, компенсируя неудачу латинизации другими средствами. Чтобы все-таки

сделать издаваемые русинами газеты и книги непохожими на русские, власти запретили употребление гражданского кириллического шрифта (принятого в России со времен Петра I), разрешая лишь церковный кириллический шрифт. Разумеется, запрещено было русинам считать своим и русский литературный язык. Допускались к печати только сочинения на местных народных поднаречиях. Причем власти тщательно следили, чтобы там не было никаких «русизмов».

Отсюда, очевидно, растут ноги и практического отсутствия в современной Галичине языковой нормы, единой для этого региона, даже применительно к местным, резко отличным от языка остальной Украины, говорам. Регион говорит на массе суржиков (народных поднаречиях), из которых еще «заботливой» имперской австро-венгерской властью вычищены все «русизмы», взамен которых они «обогащены» заимствованиями из польского, немецкого и венгерского языков.

«Нам, рутенам, не позволено в певном времени употребляти ни выражений русских, ни гражданки русской, ни русской скорописи, но допущено лишь то, щобы нам яко рутенам свободно было подання до урядов и судов писати – друковати церковною кирилицею, а языком таким, яким беседується по окрестным того уряда торгах и корчмах» – писала львовская газета «Слово»¹⁶.

С 1860 года началось преобразование Австрийской импе-

¹⁶ Соколов Л. Осторожно: «украинство»! – М., 2009. – С. 249.

рии в конституционную монархию. Но и тогда притеснения русинов не прекратились. «У нас в Австрии теперь конституция, но нам, русским, какая от того польза, – жаловались галичане российскому ученому и публицисту Василию Модестову, посетившему край в 1867 году. – Поляки делают с нами все, что хотят»¹⁷. Современные украинские «демократы» тоже приветствуют демократические нормы лишь до тех пор, пока применение этих норм обеспечивает политические интересы «демократов», если же выбор народа оказывается, с точки зрения «демократов», неправильным, они всегда готовы отказаться от демократии и перейти к силовому подавлению несогласных, даже если несогласно большинство народа.

Порой доходило до абсурда. Так, в 1862 году русинам запретили подписываться в гражданских актах по отчеству, потому, дескать, что обычай указывать отчество «пахнет Москвой», в нем проявляется «тяготение к Востоку»¹⁸. Уже тогда «цивилизационный европейский выбор» будущих украинцев противопоставлялся «азиатчине», ассоциируемой с Россией.

«Словаки и иллиры находят еще хоть какое-нибудь спасение под покровом венгерской конституции, – подчеркивал

¹⁷ Модестов В. И. Австрийские русские и Львовский процесс. // Наблюдатель. – 1882. – № 8. – С. 144.

¹⁸ Императорско-королевский австрийский конституционный либерализм и русское «отчество» // День. – 1862 – 31 март. – С. 16.

уже упоминавшийся Михаил Погодин, – а русины в Галиции беззащитны и в отношении к австрийцам, и в отношении к полякам. Прибавлю еще, что они для австрийцев ненавистнее даже всех прочих славян, потому что ближе всех к России по своему родству, вере, языку и истории»¹⁹.

Общепринятой стала практика персональной дискриминации русинов. Священников русинского происхождения переводили на приходы за пределы Галиции. Также поступали с чиновниками и учителями, отправляя их в другие края²⁰. Принадлежность к русинской народности являлась достаточным основанием для недопущения карьерного роста конкретного служащего. Подобную практику ввел еще Голуховский, но продолжалась она и после его смерти, вплоть до конца Австро-Венгрии.

«Хотя в судебном ведомстве много русских галичан, людей способных и трудолюбивых, но ни один русский не был еще президентом суда, – сообщал журнал «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества». – ...На 47 русских уездов в Галичине всего один русский галичанин, священник Мандичевский, состоит уездным маршалом²¹. Случалось, что русских галичан выбирали в уездные маршалы, но император не утверждал их...

¹⁹ Погодин М. П. Указ. соч. – С. 77.

²⁰ Как правило, в Мазурчину, имевшую тогда репутацию «Сибири для галичан».

²¹ Соответствует русскому уездному предводителю дворянства.

Не было случая, чтобы русский, исключая совершенно ополчившихся, был назначаем старостою, т. е. начальником уезда»²².

То же самое касалось представительства в австрийском парламенте и галицком сейме. «Кто слышал, что это такое – «галицкие выборы», – тот знает, что итог этих выборов зависит, прежде всего, от воли наместника, – признавал украинский публицист. – В каждом австрийском крае правительство влияет через своих наместников на ход выборов и на эту цель тратит большие суммы. Но нигде выборы не происходили при таких омерзительных злоупотреблениях»²³.

Если, например, на первых выборах галицкого сейма (1861 год) почти все мандаты в Восточной Галиции достались кандидатам-русинам (причем русинам русофильского толка), то в последующем количество представителей коренного населения среди депутатов неуклонно сокращалось и ко второй половине 1890-х годов было сведено к нулю. Достигалось это путем грубых фальсификаций и насилий над избирателями со стороны властей. В конце концов циничные подтасовки голосов привели к волнениям в крае и даже к столкновениям с жандармами. После этого правительство несколько уменьшило масштабы фальсификаций. С на-

²² Аз. Положение и нужды Галицкой Руси // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. – 1903. – № 3 (декабрь). – С. 42.

²³ В. Л. (Левинский). Результат галицких сеймових виборів // Дзвін. – 1913. – № 6. – С. 417.

чала XX века в число депутатов вновь допускаются представители русинов, но, как правило, принадлежащих к украинофильскому направлению. Лишь в единичных случаях членами парламента и сейма могли стать русины-русофилы. Когда извратить итоги народного волеизъявления не удавалось, власть просто отменяла их. Так, на парламентских выборах 1911 года было отменено избрание в депутаты шести русофилов из восьми²⁴.

Интересную информацию на подобную тему находим в датированном 1908 годом письме видного галицкого украинофильского деятеля Андрея Чайковского известному писателю Михаилу Коцюбинскому. Он сообщает о неосуществившемся избрании депутатами сейма в члены галицкого краевого правления русофильского деятеля («кацапа», по выражению Чайковского). Как только о таком намерении стало известно в Вене, оттуда прибыл министр по делам Галиции Давид Абрагамович и заявил, что «сейм обязан выбрать украинца, ибо если б выберут кацапа, то утратят милость у цесаря»²⁵.

«Мы узнали, – отмечалось в официальных документах, – что русские власти имеют в Галиции значительную партию, и между поляками, но главное, среди русинов... Одних тянет туда братский язык, письменность, под покровительством

²⁴ Ястребов Н. В. Галиция накануне Великой войны 1914 года. – Пг., 1915. – С. 138.

²⁵ Чайковский А. Спогади. Листи. Дослідження. Т. 2. – Львів, 2002. – С. 197.

русского всеславянства, других – вера и обряд, а третьих вяжет, может, таки непосредственно русские власти своими эмиссарами – рублями»²⁶.

Таким образом, полуторавековое нахождение Галиции на русско-австрийском пограничье и осознание австрийским правительством как эвентуальной возможности выдвижения официальным Петербургом претензий на Галицию, так и культурно-исторического тяготения местного русинского населения к России, сделало неизбежным недоверие венского двора к своим русинским подданным и определило его стремление к инспирированию и поддержке любых течений и тенденций в местном обществе, направленных на отдаление от России, а в идеале – на разрыв с общерусским единством.

Значительную роль в разогреве противоречий между австрийскими властями и их русинскими подданными сыграли поляки, традиционно сильно влиявшие и на аппарат управления краем, и на венский двор. Не забытая историческая конкуренция польского и русского проектов, острое переживание неудачи, закончившейся тремя разделами Польши, надежда на реставрацию польского государства и исторический реванш, все это делало поляков стороной, значительно более заинтересованной в дерусификации Галиции, чем даже собственно австрийские власти, которые, впрочем имели

²⁶ *Сухий О.* Москвофілство в Галичині: історія проблеми // Москвофілство: документи і матеріали. – Львів, 2001. – С. 25.

свои резоны идти навстречу пожеланиям поляков.

Пока русинское русофильство сохранялось лишь на уровне народной памяти о культурно-исторической, лингвистической и этнической близости с русским народом, австрийским властям представлялись достаточными меры, направленные на постепенную полонизацию Галиции. Ситуация, однако, в корне изменилась в середине XIX века, когда русинское русофильство получило теоретическое обоснование со стороны нарождавшейся местной интеллигенции. Австрийская монархия была достаточно древней и достаточно разнородной для того, чтобы помнить, как быстро подобного рода культурно-исторические кружки перерастают в революционные партии и освободительные войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.